

УДК 165.1+165.43

*О.С. Андреева**

**ПРОБЛЕМА НАЧАЛА МЫШЛЕНИЯ В РАБОТАХ
М. ХАЙДЕГГЕРА И М.К. МАМАРДАШВИЛИ**

В статье осуществляется сравнительный анализ концепций начала мышления М. Хайдеггера и М.К. Мамардашвили, рассматриваются проблема бытия как основания мышления, истины и истинности научного познания, проблема источников мыслительной активности в работах данных авторов.

Ключевые слова: мышление, теория познания, истина, наука, субъект мышления.

Проблема начала мышления – это ключевая проблема философии. Она важна для философии потому, что указывает на самую суть этой науки. Еще Аристотель говорил о том, что философия рождается как размышление, возникающее в результате стремления понять необъяснимое [1, с. 25, 53]. Мышление и размышление лежат как в основании философствования, так и в основании философии.

Проблема мышления и его оснований определяла главное направление философской мысли в Новое время. Как правило, рассуждения философов этого периода строились вокруг проблемы поиска способов получения истинного знания. И способом истинного познания, как и началом всякого познания, философы считали правильный метод. Так, Р. Декарт стремился отыскать метод, посредством которого было бы возможно достижение истинного и достоверного знания. Он считал, что, только опираясь в своих рассуждениях на несомненные и очевидные идеи, можно двигаться к более общим и абстрактным идеям и таким образом достигать достоверного знания [2, с. 93–131]. Для Канта, философия которого стала важной вехой в постижении мышления и познания, началом научного познания выступает категориальный синтез чувственного многообразия [3].

* © Андреева О.С., 2010

Андреева Ольга Сергеевна (olsand@mail.ru), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного факультета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Несмотря на смену базовой парадигмы в философии XX века, проблема начала мышления не теряет своей актуальности и по сей день, однако ракурс ее рассмотрения существенно меняется. Это мы сможем проследить на примере анализа и сопоставления концепций мышления, которые развивают М. Хайдеггер и М.К. Мамардашвили.

Однако прежде чем приступить к исследованию данной проблемы, нужно сделать некоторые оговорки относительно применяемых нами понятий. Что же мы будем подразумевать под началом мышления?

Мы можем взглянуть на проблему начала мышления исторически, тогда она превратится в проблему начала философии. В этом случае мы могли бы рассматривать ее как проблему возникновения философии и понятийного мышления как новых форм освоения действительности. Об этом в науке уже довольно много сказано [4, 5]. Но начало мышления может и должно быть рассмотрено не только исторически. Если философы нового времени рассматривали проблему начала мышления с точки зрения получения истинного знания и постулировали мышление как нечто перманентно присущее человеку, как результат автономной познавательной активности, свойственной субъекту по его природе, в какой-то степени тождественное с сознанием, то Хайдеггер и Мамардашвили в своих концепциях отходят от этой позиции. Они развивают идею о несuverенности человеческого мышления. Мамардашвили, например, считает, что мышление естественным образом в пространстве и времени не длится, оно должно постоянно возрождаться, начинаться заново, и оно как состояние актуального присутствия в мысли требует определенных усилий со стороны человека [6, с. 191]. Если мы встанем на эту позицию, то тогда для нас попытка определить начало мысли будет поиском способов достижения присутствия в мысли.

Теперь с этой позиции попытаемся проанализировать концепции Хайдеггера и Мамардашвили. Основным тезисом работы М. Хайдеггера «Что зовется мышлением?» является утверждение о том, что мышление — это ответ человека на призыв бытия. Хайдеггер утверждает, что человек вовлекается в мышление тягой, исходящей от бытия. Удаляясь, отворачиваясь, зовущее мыслить (это словосочетание Хайдеггер использует как синоним слова «бытие») вовлекает, зовет человека к мышлению [7, с. 150]. Что означает это утверждение? Не является ли это «отворачивание» и «утаивание» метафорой захваченности необъяснимым и непознанным, которое пробуждает стремление осмыслить и понять? Вовлекаясь в мышление, человек стремится постичь, охватить бытие. Бытие никогда не дается для понимания непосредственно, оно постоянно отворачивается и только этим вызывает в человеке тягу к мышлению и пониманию.

Несомненно, что момент непонимания и проблематизации (то, что описывал в своей работе Хайдеггер) всегда опосредован с моментом понимания. И у Мамардашвили мы находим следующую мысль: чтобы прийти к мысли, нужны определенные усилия со стороны человека, усилия, направленные на пребывание в мысли, собирание себя, собирание на предмете мысли. Эта фаза мышления требует определенных волевых усилий. Когда Мамардашвили говорит о том, что мысль доступна человеку на пределе напряжения всех его сил, он имеет в виду именно этот момент в мышлении [6, с. 191]. Как мы

видим, обращаясь к проблеме начала мышления, Мамардашвили делает акцент на другой стороне этой проблемы. Мысль для него в первую очередь является результатом собирания, напряжения и становится снятием этого напряжения. Она приходит как разрядка волевого усилия. Мамардашвили в своих рассуждениях чаще всего описывает именно этот момент мышления. В одно определенное мгновение человек охватывает мыслью всю ситуацию полностью, единым движением схватывает невидимый до этого порядок вещей, пронизывающий и организующий ее, мысль позволяет увидеть и понять упорядоченность вещей, она сама становится внесением порядка в ранее не связанные факты [6, с. 280].

Таким образом, если систематизировать взгляды Хайдеггера и Мамардашвили, то можно говорить о выделении ими в мышлении двух фаз: 1) первоначальную затронутость бытием, которая вовлекает человека в мышление, этап непонимания и проблематизации и 2) волевое напряжение и собирание в мысли, которое разрешается достижением понимания порядка, существующего между вещами. Если отталкиваться от данной схемы, то можно констатировать, что Хайдеггер и Мамардашвили при рассмотрении проблемы начала мышления подходили к ней с разных сторон. Хайдеггер основное внимание уделяет тому, как человек становится вовлеченным в мышление и отсылает нас за пониманием начала мышления к сложной метафоре вовлечения человека в тягу бытия, Мамардашвили же в рассуждениях о мышлении всегда имеет в виду мысль как результат. Для Хайдеггера было важным показать начало мышления, откуда оно берет свой исток, как зарождается, как человек вовлекается в него, для Мамардашвили – описать живую мысль как акт понимания. Но общим для их рассуждений остается утверждение о том, что мышление – это вовлеченность и присутствие человека в мысли, которая всегда соотносится с бытием, только данные мыслители по-разному и с различных сторон выстраивают этот механизм присутствия в мысли. На основании этого главного различия теперь несложно выявить и общее в их рассуждениях.

Итак, мы уже отметили первое сходство, которое можно увидеть в концепциях мышления Хайдеггера и Мамардашвили. Оно заключается в том, что мышление всегда соотносится с бытием. Мысль о тождестве бытия и мышления лежит в основании философского знания, но у данных авторов она получает новую интерпретацию. Хайдеггер и Мамардашвили в своих концепциях, выходя на проблему соотношения мышления и бытия, подходят к ней с разных сторон. Для каждого из этих мыслителей бытие как критерий и основание мыслительной деятельности возникают на разных фазах мышления. Для Хайдеггера бытие – это в первую очередь то, что индуцирует мышление. Неразрывная связь мышления и бытия («зовущего мыслить») лежит в основании его концепции. Для Мамардашвили же бытие является основанием истинности и всеобщности мысли. Мамардашвили утверждает, что мысль – это упорядочивающее движение, которое происходит под знаком вечности, мысль отражает законченный план бытия, она охватывает собой бесконечность [6, с. 284]. Именно через этот ход, через соотнесение с вечностью он связывает мышление с бытием.

Здесь мы подходим к проблеме истины. И вновь у данных мыслителей мы видим сходства в ее понимании. Хайдеггер трактует истину как несокры-

тость бытия [8, с. 17]. Истина рождается тогда, когда ускользающее от человека бытие приоткрывается ему. С другой стороны, непременным условием истины является открытость человека существу, которая коренится в его свободе. Таким образом, Хайдеггер приходит к выводу, что сущностью истины является свобода [8, с. 20].

У Мамардашвили истина связана с действием человека, когда единым актом мысли, в единый момент схватывается суть положения вещей и с очевидностью становится ясно, что именно эта мысль и есть истина, и что именно она отражает определенный порядок бытия [6, с. 235]. У Мамардашвили можно найти еще одну трактовку истины. Истина, по Мамардашвили так же, как и у Хайдеггера, имеет основание в свободе. Свободное действие человека (или Бога) становится основанием становления истины в мире: только после того, как что-то сделано, что-то стало, оно становится истинным [9, с. 543–544]. Истина становится результатом свободного акта.

Очевидно, что и Хайдеггер, и Мамардашвили понимают истину как открытость бытия, как освоение какого-то его региона человеком в акте мышления, как схватывание истины, извлечение ее из небытия. Одновременно они трактуют истину как свободный акт и находят ее основания в свободе.

Здесь нужно подчеркнуть очень важный, принципиальный момент: Хайдеггер считает, что истинное мышление может разворачиваться исключительно относительно бытия. Мышление не может быть о сущем. Когда наука оперирует понятиями, она рассуждает о сущем, и это ее рассуждение, по его мнению, не является мышлением. Наука имеет дело лишь с отдельными областями сущего, поэтому видит она его всегда односторонне. Бытие науке совершенно недоступно, поэтому ей недоступно и мышление [10, с. 250].

Мамардашвили, рассуждая о науке, подчеркивает ее внутреннюю противоречивость. С одной стороны, она претендует на универсальность и объективность знания, с другой — она не может существовать без опыта человека, который всегда субъективен и индивидуален [11, с. 39–40]. То, как понимает мышление Мамардашвили, входит в противоречие с определением науки. По Мамардашвили, начало мысли лежит в личном сознании, мышление предполагает каждый раз возобновление акта индивидуального присутствия человека в мысли, каждый должен пережить мыслительный акт самостоятельно [6, с. 203]. Для науки же подобная стратегия — это нонсенс, идеал научного знания — это очищение его от всякой субъективности. Если истинность мысли гарантируется ее соотношением с бытием, то всеобщность науки всегда определяется ее соответствием существу. Хайдеггер и Мамардашвили сходятся на том, что наука и мышление имеют разные основания.

Выше мы останавливали свое внимание на сходствах в понимании начала мышления Хайдеггером и Мамардашвили. Но нужно указать на одно существенное расхождение их концепций, которое диктуется, с одной стороны, особенностью их философских систем, а с другой — их разными подходами к проблеме начала мышления. Очевидно, что в своих рассуждениях о начале мышления Хайдеггер и Мамардашвили по-разному расставляют акценты, когда говорят об источнике мыслительной активности. У Хайдеггера этот акцент смещается в сторону бытия, бытие у него наделяется самостоятельной мыслительной активностью, оно само причастно мышлению, оно само использу-

ет мышление [7, с. 149]. В мышлении у Хайдеггера бытие проявляет активность даже большую, чем человек. Сам человек получает мышление как дар от бытия, именно бытие призывает человека мыслить, стихия бытия вовлекает его в мышление. Человеку в концепции Хайдеггера достается роль того, кто должен дать ответ на призыв мыслить, исходящий от бытия. Более того, бытие дарует человеку его сущность в качестве мышления, только бытие определяет сущность человека как мыслящего существа [7, с. 242].

У Мамардашвили эта асимметрия проявляется в меньшей мере. Человек у него предстает как субъект, собирающий себя в мышлении своим усилием, но сам акт мысли происходит произвольно, мысль озаряет человека сверху и не является прямым результатом этих усилий и напрямую не зависит от них.

Несмотря на разное распределение мыслительной активности между человеком и бытием, которое мы видим в концепциях Хайдеггера и Мамардашвили, они все же приходят к единому выводу о том, что хотя мышление и мысль не являются суверенной субстанцией, а продуцируются человеком, они все же не являются результатом только его психической активности. Фактически оба мыслителя постулируют особое понимание несuverенности мышления. С одной стороны, мышление свойственно человеку и от него зависит, человек является субъектом мышления, но с другой — оно имеет свое основание в бытии. Для того чтобы мысль стала достоянием человеческого мышления, человек должен оказаться в определенной бытийной ситуации, он должен проявить активность и не только психическую, а экзистенциальную — собраться в мысли, оказаться в-бытии. Напряжение мыслительной активности, собирание человека в мысли обеспечивает собранность и направленность мышления, концентрирует его внимание и обращает его к бытию, усилием воли мы направляем свой мысленный взор в сторону бытия, даем возможность открыться бытию. Мысль же всегда является откровением, открыванием определенного порядка бытия, который существует вне воли человека, и поэтому хотя мышление не является суверенной субстанцией, но мысль как истина откровения бытия суверенна.

Итак, начало и основание мышления у Хайдеггера и Мамардашвили коренится в бытии. Бытие дает возможность достичь присутствия в мысли. Однако развивая древний тезис о единстве бытия и мышления, оба мыслителя по-разному выстраивают механизм взаимодействия между человеком и бытием. Общность основания мышления в концепциях Хайдеггера и Мамардашвили определяет сходства в них: оба они понимают истину как свободу и открытость бытия, соответственно, для обоих мыслителей общим является тезис о несовпадении оснований науки и мышления. Однако говоря о различиях в концепциях мышления Хайдеггера и Мамардашвили, нужно подчеркнуть, что, рассуждая о начале мышления, они рассматривали разные его фазы и, как следствие, ставили различные акценты при описании источников мыслительной активности.

Библиографический список

1. Аристотель. Метафизика. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 608 с.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2006. С. 93–132.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1998. 655 с.
4. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу (становление греческой философии). М.: Мысль, 1972. 312 с.
5. Корецкая М.А. Возникновение философии. Проблема начала мышления // Философия: В поисках онтологии: сб. ст. Самара, 2003. С. 175–212.
6. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления // Мамардашвили М.К. Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 173–504.
7. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Академический проект, 2007. 351 с.
8. Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991. С. 8–27.
9. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления // Мамардашвили М.К. Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 505–816.
10. Хайдеггер М. Наука и осмысление // М. Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 238–253.
11. Мамардашвили М.К. Наука и культура // Методологические проблемы историко-научных исследований. М.: Наука, 1982. С. 38–58.

*O.S. Andreeva**

**THE PROBLEM OF THE BASIS OF THINKING IN THE PAPERS
BY M. HEIDEGGER AND M. MAMARDASHVILI**

In the article the author analyzes and compares the conceptions of the basis of thinking developed by M. Heidegger and M. Mamardashvili. The article considers the problem of being as a basis of thinking, the problems of truth and verity of scientific cognition, and the problem of the cogitative activity origins in the papers of the above-mentioned authors.

Key words: thinking, theory of knowledge, truth, science, subject of thinking.

* *Andreeva Olga Sergeevna* (olsand@mail.ru), the Dept. of Philosophy of the Humanities, Samara State University, Samara, 443011, Russia.